

Ольга Шемякина

Автобиография шлиссельбуржца М. В. Новорусского

Introduction to the publication of the autobiography of a Shlisselburg prisoner, M. V. Novorusskii (1861–1925).

Михаил Васильевич Новорусский (1861–1925) известен, прежде всего, как участник покушения на Александра III 1887 г. Его участие в этом деле было косвенным: он предоставил Александру Ульянову свою квартиру для приготовления динамита. Тем не менее, Новорусский в возрасте 26 лет был приговорен к пожизненному заключению в Шлиссельбургской крепости, где в результате провел восемнадцать с половиной лет (до 1905 г.). Таким образом, он оказался в Шлиссельбурге, не имея за плечами яркого революционного прошлого или устойчивых политических взглядов: “В моем прошлом, можно сказать, не было никакого политического прошлого”, – писал он о себе [Новорусский 1933: 23]. В отличие от многих своих товарищей по заключению, он не успел стать ‘революционером’ и ‘народовольцем’, но стал ‘шлиссельбуржцем’ в большей степени, чем кто-либо другой. В. Н.

Фигнер вспоминала о нем: “М[ихаил] В[асильевич], действительно, прибыл в Шлиссельбург, как он сам справедливо говорит, человеком не сформировавшимся и совсем не подготовленным к участи, которая обрушилась на него, подобно лавине. Как еще лишь о немногих узниках Шлиссельбурга, о нем можно сказать, что вполне образовался и развился он в стенах этой крепости.” [Фигнер 1920: 223]. В Шлиссельбурге формируются не только политические взгляды и определенные свойства характера Новорусского, о чем он писал в своей автобиографии и воспоминаниях *Записки шлиссельбуржца*. Разнообразный опыт, полученный им в крепости, отразился на всей последующей его жизни, и следы Шлиссельбурга мы можем обнаружить в его многосторонней деятельности после освобождения. В заключении Новорусский много занимался самообразо-

ванием, изучая различные области знания – от философии до химии. Шлиссельбург сформировал у Новорусского своеобразный тип образованности, который позволил ему впоследствии успешно проявить себя в сфере популяризации научных знаний. Имя Новорусского вошло и в историю музейного дела. Это увлечение также берет свое начало в Шлиссельбурге – с сотрудничества с Подвижным музеем наглядных учебных пособий. Первоначально шлиссельбуржцы пользовались его коллекциями для самообразования, а позже сами приняли участие в их пополнении, и более всего составлением гербариев, энтомологических и минералогических коллекций был увлечен именно Новорусский. Непостижимый опыт изучения природы в условиях Шлиссельбурга отразился даже в его книгах для детей – в образах ‘мальчика меньше пальчика’, разглядывающего гигантских насекомых, или маленького Миши, замороженно наблюдающего за удивительным миром снежинок (Новорусский 1911; Новорусский 1923). Еще одним занятием, разрешенным начальством крепости, было разведение огородов и парников. Эта сельскохозяйственная

деятельность, требовавшая в суровых природных условиях Шлиссельбурга особого усердия и специальных знаний, приносила, тем не менее, большие плоды: одному из шлиссельбуржцев удалось вырастить дыню и арбуз (Новорусский 1933: 89), а вершиной ‘фермерской’ карьеры Новорусского стали заботливо ‘высиженные’ им цыплята (Новорусский 1933: 160–165). После освобождения он использовал этот опыт в качестве автора популярных брошюр по вопросам сельского хозяйства, а также на посту директора Сельскохозяйственного музея в Петрограде, который он занял в 1917 г. Благодаря усилиям Новорусского этот музей в 1920-е гг. превратился в целый совхоз:

У нас с оживлением природы усиливаются работы. [...] Ныне нам утвердили смету в 8 м.р. и мы хотим превратить мертвый музей в рассадник всякой живности. Уже продали 60 кроликов. На очереди дюжина поросят. Дальше пойдут цыплята, козлята и т.д. Хочу заложить инкубатор на сотню яиц [...]. Да, к довершению всего открываем ‘завод’ по изго-

товлению коллекций. Будут настоящие ‘воспитательные дома’ для насекомых и прочей коллекционной живности [...]. Задачи поставили широкие. Не знаю, справимся ли [...].

А тем временем мы готовимся к выставке, взяли английских свиней, взяли новый совхоз, расширяем молочную ферму покупкой новых коров и вообще раздуваемся и раздуваемся, не знаю, до каких пределов. Наш садовод уже заказал 3000 дичков яблонь, и мы постепенно разводим фруктовые сады в недрах Петрограда для будущих потомков (РГАЛИ. Ф. 1185 Оп. 1. Д. 197. Л. 135, 137, 171.).

Неудивительно, что и воспоминания Новорусского о Шлиссельбурге оставляют впечатление не ‘остановившихся часов жизни’, как у Фигнер, а какой-то непрерывной кипучей деятельности в парниках, ремесленных мастерских и импровизированных химических лабораториях. Другой знаменитый шлис-сельбуржец Н. А. Морозов позже писал о книге Новорусского: “Читая такого рода

утешительные воспоминания, как у Новорусского и Фроленка, мне часто страстно хотелось сделать к ним корректив, который ярко показал бы, что все это была лишь серебряная парча на ряде гробов...” (Морозов 1965: 436–437).

Новорусский относится к тем немногим представителям поколения революционеров 1870–1880-х гг., которые стали свидетелями революции 1917 г. и начала строительства в России нового социалистического общества. Послереволюционная биография народников и народовольцев уже привлекала внимание исследователей, особенно в свете их отношения к большевизму и проблем формирования исторической памяти (см. Леонтьев, 2000; Сабурова 2016: 310–390; Шемякина, 2017). Наиболее изученной можно считать деятельность В. Н. Фигнер: она была одним из самых активных и ярких представителей этого поколения, а ее личный архив сохранил массу документов, прежде всего писем, позволяющих получить представление о послереволюционной судьбе не только самой Веры Николаевны, но и многих других старых революционеров (см. Незапечатленный труд 1992; Вада 1999; Hartnett 2014: 205–261).

Что позволяет нам уже в 1920–1930-е гг. рассматривать людей, связанных некогда в молодости приверженностью народнической идеологии и совместной революционной деятельностью, как единую группу? Прежде всего, многие из них поддерживали личное общение или вели переписку. Кроме того, существовал ряд организаций историко-просветительского и правозащитного характера, объединявших вокруг себя ‘стариков’: Общество политкаторжан и созданные при нем Кружок народовольцев и Секция по изучению общественного движения 1830–1870-х гг., Историческая секция Дома печати, отчасти Кропоткинский комитет, Политический Красный Крест, МОПР (Международное общество помощи борцам революции). Несколько раз ‘старики’ направляли совместные заявления в адрес ЦИК СССР с требованием широкой политической амнистии, уничтожения внесудебной смертной казни (см. Гарелин 1980: 400–402; Незапечатленный труд 1992: 433–438). Но главное, что их объединяло – это задача сохранения памяти о народническом движении и ушедших товарищах, создания большой ‘коллективной автобиографии’. Они издавали и

переиздавали свои воспоминания целыми книгами и небольшими статьями, писали примечания и предисловия к работам друг друга, постоянно уточняя между собой какие-то детали прошлого, активно обсуждали в переписке как сам процесс, так и результат собственного мемуарного творчества. В итоге воспоминания, созданные старыми революционерами в 1920–1930-е гг., можно назвать коллективными и интертекстуальными (см. Сабурова 2016: 370).

Одним из наиболее крупных народнических мемориальных проектов 1920-х гг. был 40-й том Энциклопедического словаря Гранат *Автобиографии революционных деятелей русского социалистического движения 70–80-х годов* 1926 г., в который вошли 48 автобиографий народников с примечаниями Фигнер. Эти тексты до сих пор являются важнейшим источником для изучения истории революционного движения и используются как основа для составления биографий его представителей. Новорусский умер в сентябре 1925 г., буквально накануне начала работы над Словарем, и его автобиография в 40-м томе отсутствует. Настоящая публикация призвана, прежде всего, восполнить этот пробел.

Разумеется, данная автобиография не является единственным эго-источником, оставленным Новорусским. Он – автор воспоминаний *Записки шлиссельбуржца*, а также множества отдельных мемуарных статей. Его письма разных лет сохранились и отложились в личном фонде в ГАРФ, фонде В. Н. Фигнер в РГАЛИ, фонде Н. А. Морозова в Архиве РАН. Однако уникальность автобиографии как жанра, создающего четкий концентрированный образ видения автором собственного жизненного пути, делает данный источник незаменимым.

Автобиография хранится в личном фонде Новорусского в ГАРФ (Ф. 1733. Оп. 2. Д. 2), состоит из четырнадцати листов, включает в себя как рукописный, так и машинописный текст. В сохранившемся варианте отсутствует один лист (четвертый по авторской нумерации). Текст состоит из двух частей – описания фактической ('внешние факты') и интеллектуальной ('внутренние факты') биографии. Автобиография была написана в 1925 г.: это самая поздняя дата, упомянутая в тексте, и совпадает с годом смерти Новорусского.

Сам сохранившийся текст не содержит информации о том, для чего он был написан. Нет никаких сведений, указывающих на то, что автобиография предназначалась для Словаря Гранат. Работа над Словарем началась в конце 1925 г., уже после смерти Новорусского. Кроме того, можно предположить, что его автобиография не подошла бы по своему формату, так как авторы статей, помещенных в Словаре, фокусируют внимание, прежде всего, на коротком периоде своего участия в революционном движении, рассказывая с максимальным количеством подробностей о конспиративных квартирах, типографиях, обысках и арестах. Новорусский, как уже было сказано, считал свое революционное прошлое скромным и не заслуживающим детального описания, поэтому его автобиография имеет совершенно иные 'пропорции' и композицию.

Часть автобиографии, охватывающая период после освобождения, была использована Фигнер при написании очерка о Новорусском для книги *Шлиссельбургские узники 1920 г.*, которая была переизданием нескольких портретов шлиссельбуржцев, опубликованных Фигнер еще в 1907 г., но до-

полненных фактами их биографии за прошедшие с тех пор 13 лет (Фигнер 1907). Об этой книге Новорусский писал Фигнер: “Сделанные прибавления придают каждому лицу такую целостность, что после этого так и хочется почтить от всех дел своих: материал для некролога – готовый и полный. Тем более, что у Вас, как в юбилейных речах, говорятя одни только приятности. Злые языки, чего доброго, начнут ехидничать: как, де, они сами себя расхваливают!” (РГАЛИ Ф. 185. Оп. 1. Д. 197. Л. 146.). Рассказ Фигнер о деятельности Новорусского после освобождения из Шлиссельбурга почти полностью и дословно совпадает с текстом автобиографии. Таким образом, можно предположить, что эта часть автобиографии была написана по просьбе Фигнер и гораздо раньше – не позднее 1920 г., а затем дополнена фактами, относящимися к 1921–1925 гг.

Автобиографии революционеров 1870–1880-х гг. являются не только важным источником для изучения истории народнического движения. Они представляют ценность как эго-документы, позволяющие понять, как старые революционеры смотрели на пройденный жизненный путь из уже

совершенно новой реальностью. Такой подход к народническим автобиографиям и мемуаристике как к самостоятельному объекту изучения можно встретить в работах Т. А. Сабуровой, А. М. Эткина, Х. Хугенбум. Т. А. Сабурова исследует причины, по которым старые революционеры обращались к прошлому, а также формы и смыслы использования религиозного дискурса в народнической мемуаристике (см. Сабурова 2014). Х. Хугенбум рассматривает народнические автобиографии как определенный жанр со своими законами и выделяет несколько таких конвенций в том, как революционеры описали своего детства: обязательными атрибутами этого этапа автобиографии были рассказы о первом ярком эмоциональном впечатлении, историческом событии, столкновении с народом и чтении. Хугенбум удалось убедительно показать, что повторяемость этих элементов в различных автобиографиях объясняется именно особенностями самого жанра: некоторые авторы использовали эти компоненты, даже если никакого конкретного личного воспоминания за ними не стояло. По ее мнению, большую роль в формирова-

нии канонов этого жанра сыграла В. Н. Фигнер, которая считала необходимым уделять особое внимание описанию детства, семьи, ранних впечатлений. Хугенбум применяет гендерный подход, благодаря чему становится возможным говорить об особенностях и различиях женских и мужских народнических автобиографий. Исследователь также поднимает важнейший вопрос о заложенном в народнических автобиографиях противопоставлении себя большевикам как революционерам другого поколения и типа (см. Hoogenboom 1996)

В некоторое противоречие с подходом и выводами Хугенбум вступает статья А. М. Эткинды, в которой рассматриваются одновременно и народнические автобиографии 40-го тома, и автобиографии большевиков, опубликованные в следующем 41-м томе под названием *Деятели СССР и Октябрьской революции*. Эткинд считает основным механизмом революционной биографии 'экзотизацию прошлого' с целью 'универсализации настоящего'. В своих автобиографиях революционеры подробно и красочно рассказывают о детстве, происхождении, уделяя внимание таким категориям 'старого мира', как

сословие, этничность, вероисповедание, увеличивая таким образом историческую дистанцию между собой и своим прошлым. Чем больше была эта дистанция, тем больше препятствий приходилось преодолевать на пути к 'новому человеку'. Эткинд рассматривает эту 'растяжку' не как составляющую жанра революционной биографии, а как механизм революционной идеологии в целом (см. Эткинд 2005).

Автобиография Новорусского значительно отличается от большинства известных народнических автобиографий, написанных в 1920-е гг. Это объясняется не только тем, что составлена она была не для Словаря Гранат, но и необычностью личности и революционного пути ее автора. Очевидной особенностью народнических автобиографий является то, что большая часть текста отдается описанию довольно короткого периода в жизни – несколькими годам участия в революционном движении. В некоторых источниках можно также встретить довольно пространное повествование о детстве и юношестве, цель которых проследить собственный путь к революционному мировоззрению. Жизнь после активного

участия в революционном движении удостаивается, как правило, двух-трех предложений. В своих автобиографиях народники считали возможным и необходимым рассказать только о том, что делало их жизнь частью большой истории. В это 'необыкновенное прошлое', по выражению В. Н. Фигнер (Сабурова 2014), иногда включался и период пребывания на каторге или в заключении, который также рассматривался как 'историческое существование'.

Автобиография Новорусского, напротив, представляет собой тот редкий случай, когда автор подробно описывает свой жизненный путь после освобождения (с 1905 г.), заполняя повествование перечислением множества учреждений, газет, журналов, книг. Наличие такого количества подробностей, на первый взгляд, удивляет и делает текст как бы перенасыщенным избыточной информацией. Эту особенность автобиографии Новорусского можно рассматривать как попытку преодоления устоявшегося представления о значимости только лишь 'исторического' прошлого и утверждения ценности своего существования в другой жизни – жизни после Шлиссельбурга и вне большой истории.

Несмотря на то, что в автобиографии Новорусского много внимания отводится описанию периода 1905–1925 гг. – столь насыщенного историческими событиями, в ней нет упоминания ни об одном из них. Это отличает текст Новорусского от автобиографий народников, помещенных в Словаре Гранат: почти все они так или иначе касаются Первой мировой войны или революции 1917 г., даже если их авторы непосредственно в этих событиях не участвовали и политической деятельностью не занимались. В автобиографии Новорусского революция не только не предстает как некий важный рубеж, она не упомянута вовсе. Более того, зачастую в изложении нарушен хронологический порядок: смешаны упоминания дореволюционных и послереволюционных фактов. Таким образом автобиография Новорусского представляется нарочито 'внеисторичной' в противовес доминировавшей в мемуаристике российской интеллигенции XIX–XX вв. герценовской традиции историзма (см. Паперно 2004).

Наибольшее внимание исследователи революционных автобиографий, как правило, уделяют анализу самых ранних воспоминаний народни-

ков, которые должны были объяснять, как и почему они становились революционерами. В тексте Новорусского описание детства, юношества, учебы сравнительно скупое, также как и в *Записках шлиссельбуржца*. Можно заметить даже некоторое иронизирование над необходимостью увязывать свои детские мысли и поступки с будущей революционностью: “Здесь же при моем деятельном участии образовалась из учеников своя ‘террористическая’ группа, единственное выступление которой состояло в том, что эконому в квартире выбили все стекла нижнего этажа”. В то же время красочный, подробный, эмоциональный рассказ о детстве Михаила Васильевича мы можем встретить в очерке Фигнер из *Галереи шлиссельбургских узников*:

[...] Вся домашняя обстановка его была чисто крестьянская, с обилием нужды и всяких горестей. Детей было 13 человек (из них от болезней умерло семеро); М. В. был не из старших, но, как и во всякой крестьянской семье ребенком ему приходилось нянчить младших братишек и сестру. Порой

это так досаждало ему, что у него осталось воспоминание, как от всей детской души он желал смерти одному из своих питомцев, и как горько потом плакал и упрекал себя за злые пожелания, когда смерть действительно унесла докучливого братишку, мешавшего ему играть на улице. [...]

Первоначальное воспитание М. В. получил, как все деревенские дети, – на улице. С целой ватагой сверстников, он рыскал по полям и болотам, проводя целые дни в лесу или на реке, и, вообще, вел жизнь ‘естественного’ человека, как ведут заброшенные дети наших сел и весей. Эта нищета и вечная забота о завтрашнем дне, царившие дома, жизнь в тесноте и удушьи, исполненном мелких хозяйственных дрызг, рано раскрыли перед М. В. всю оборотную сторону человеческого существования, – и он вышел закаленным против всяких материальных невзгод и глубоким реалистом, для которого иллюзий, кажется, не существует.

Кроме того, из него вышел человек труда, не знающий ни усталости, ни апатии, ни даже передышки. Побратимство или, лучше сказать, полное слияние в детстве с окружающей средой тоже наложили на М. В. свою печать, дав ему полное знание народа. Но с виду, пожалуй, холодное и критическое отношение к деревенскому люду, вынесенное из близкого сношения с обнаженным от всяких прикрас мужиком, скрывает в нем глубокую сдержанную любовь к этим пасынкам жизни [...] (Фигнер 1920: 219-221; Фигнер 1907: 142-143).

Этот текст Фигнер, который не переключается ни с автобиографией, ни с опубликованными воспоминаниями Новорусского, наполнен элементами 'канонического' народнического детства: сильное эмоциональное, нравственное переживание, слезы, близость к народу и природе, описание детских впечатлений и условий жизни как формирующих характер и мировоззрение. Это подтверждает тезис Х. Хугенбум об особой роли Фигнер в формиро-

вании канонов народнической автобиографии, в соответствии с которыми детство играло определяющую роль в становлении будущих революционеров.

Вторая часть автобиографии М. В. Новорусского ('внутренние факты') представляет большую ценность для понимания отношения старых революционеров к советской власти и идеологии коммунизма, которое было сложным и неоднозначным. Хорошо известны протесты 'стариков' против большевистской репрессивной политики. В то же время Фигнер, например, понимала, что деятельностью ГПУ советский строй не исчерпывается. В одном из писем к В. В. Вересаеву она писала: "Я очень интересуюсь перемнами, которые должна была произвести в деревне революция. Одно из мучений моей жизни заключается в том, что я стою в замкнутом узком кружке городских жителей, которые дальше деятельности Г.П.У. ничего не видят, ни о чем другом не слышат, ничего другого не знают" (РГАЛИ. Ф. 1041. Оп. 4. Д. 421. Л. 3.). 'Старики' были против ведения подпольной борьбы с большевиками, несмотря на в целом критическое отношение к новой вла-

сти, корни которого стоит искать в области, скорее, этической, нежели политической. К сожалению источников, позволяющих составить более или менее полное представление об этом вопросе, сохранилось и известно очень мало. Даже Фигнер, чья жизнь в Советской России полнее всего отразилась в доступных документах, не дает нам возможности судить о ее отношении к большевикам: отдельные отрывочные свидетельства в переписке, одна статья в эмигрантской прессе, два-три публичных выступления и письмо с критикой Общества политкаторжан (см. Фигнер 1925; Фигнер 1929; РГАЛИ. Ф.

1185. Оп. 1. Д. 85. Л. 2-4; Коржихина 1988; Гарелин 1980: 394-396). Типовой же источник, фиксирующий политическую позицию старых революционеров в 1920-1930-е гг., отсутствует. Тем ценнее та часть автобиографии Новорусского, где он не только довольно четко формулирует свое отношение к советской власти, но и приводит подробную аргументацию, связанную не с какими-либо событиями или действиями, но с его собственной особой интеллектуальной биографией и мировоззрением.

Библиография

Вада 1999: Х. Вада, *Вера Фигнер в первые годы после российской революции (1917-1923)* // Х. Вада. *Россия как проблема всемирной истории*, АИРО-XX, М., 1999, с. 87-122.

Гарелин 1980: И. Гарелин, В. Н. Фигнер и Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, «Память», 1980, III, с. 393-402.

Коржихина 1988: Т. Коржихина, *За пять лет до 1937-го*, «Московские новости», 1988, XLV, с. 9.

Леонтьев 2000: Я. В. Леонтьев, *Старые революционеры и советская власть // Проблемы политической истории России*, Университетский гуманитарный лицей, М., 2000, с. 135-165.

Морозов 1965: Н. А. Морозов, *Повести моей жизни*, Наука, т. 2, М., 1965.

Незапечатленный труд 1992: *Незапечатленный труд: из архива В. Н. Фигнер*, публ. Я. В. Леонтьева, К. С. Юрьева, «Звенья», 1992, II, с. 424–488.

Новорусский 1911: М. Новорусский, *Приключения мальчика меньше пальчика: из жизни насекомых*, Жизнь и знание, СПб., 1911.

Новорусский 1923: М. В. Новорусский, *История снежинки: из жизни зимней природы*, Госиздат, М., Пг., 1923.

Новорусский 1933: М. Новорусский, *Записки шлиссельбуржца*, Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, М., 1933.

Паперно 2004: И. Паперно, *Советский опыт, автобиографическое письмо и историческое сознание: Гинзбург, Герцен, Гегель*, «Новое литературное обозрение», LXVIII, 2004, с. 102–126.

Сабурова 2014: Т. А. Сабурова, *‘Необыкновенное прошлое’ и нарратив страдания в коллективном воспоминании революционного поколения 1870-х гг.* // *Обратная связь*, Иркутск, 2014, с. 240–250.

Сабурова 2016: Т. Сабурова, Б. Эклоф, *Дружба, семья, революция: Николай Чарушин и поколение народников 1870-х годов*, Новое литературное обозрение, М., 2016.

Фигнер 1907: В. Фигнер, *Михаил Васильевич Новорусский // Галерея шлиссельбургских узников*, 1907, I, СПб, с. 142–147.

Фигнер 1920: В. Фигнер, *Шлиссельбургские узники*, Задруга, М., 1920.

Фигнер 1925: Вера Ф., *Без заглавия*, «Рассвет», 1925, CCLXIII, с. 2.

Фигнер 1929: В. Н. Фигнер, *Вступительное слово 9 декабря 1924 г. на вечере П. А. Кропоткина* // Полн. собр. соч., Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, т. 5, М., 1929, с. 472.

Шемякина 2017: О. В. Шемякина, *Историография народнического движения глазами его участников*, «Вестник РГГУ», 2017, I, 22, с. 132–139.

Эткинд 2005: А. Эткинд. *‘Одно время я колебался, не антихрист ли я’: субъективность, автобиография и горячая память революции*, «Новое литературное обозрение», 2005, LXIII, с. 41–69.

Hartnett 2014: L. A. Hartnett, *The Defiant Life of Vera Figner: Surviving the Russian Revolution*, Indiana University, Bloomington, 2014.

Hoogenboom 1996: H. Hoogenboom, *Vera Figner and revolutionary autobiographies: the influence of gender on genre* // in R. Marsch (Ed.), *Women in Russia and Ukraine*, Cambridge, 1996, p. 78–93.